

КРУГ ЗНАКОМСТВ

Валерий Леонтьев:

«СКОЛЬКО ЛЮДЕЙ,
СТОЛЬКО МНЕНИЙ»

Сегодня во Дворце спорта «Сибирь» проходят последние концерты Валерия Леонтьева, вновь приехавшего на гастроли в наш город. Перед отъездом артист дал интервью «Вечернему Новосибирску».

— Я знаю одну женщину, которая говорит так: «Я очень люблю творчество Леонтьева, его голос. Но очарование пропадает, когда я вижу его на сцене. Если бы он одевался и вел себя по другому...».

— А как — по другому, — она не говорит? — Ну, очевидно, она имеет в виду более скромно, будучи уверенной в том, что тогда у вас было бы гораздо больше поклонников.

— Послушайте, у нас долгое время так скромно вели себя на сцене, что дальше некуда. Да и сейчас сколько угодно скромных исполнителей. Она может выбирать: и тот скромный, и эта скромная...

— Но ей нравится именно ваш голос. То есть у нее возникло противоречие между вашим голосом и сценическим образом.

— У меня лично такого противоречия нет. Это моя жизнь, мое творчество, и я буду делать так, как я чувствую. Ей придется выбирать.

— Понятно. А есть ли у вас свой фан-клуб?

— Да, есть, и даже два. «Вернисаж» и «Верюко» в Москве и Ленинграде, с филиалами в Туле и где-то еще. Они проводят заседания, встречи, вечера знакомства с моим творчеством. У них масса материалов, плакатов, фотографий разных периодов моей творческой деятельности, есть записи старых песен, которых нет даже у меня. Где они их добыли, из какой древности, — ума не приложу. В ленинградском клубе, насколько я знаю, даже... манекен с лицом Леонтьева стоит, одетый в мой костюм.

— Как вы к этому относитесь?

— Нормально. Люди нашли для себя в этом отдушину, таким образом проводят свободное время. По крайней мере эти лучше тех, — я их «зомби» называю, — которые избрали смыслом своей жизни стоять у меня в подъезде, висеть на телефоне, сидеть у двери моей квартиры ночью и подслушивать.

— Наша сегодняшняя эстрада. Какова она, на ваш взгляд? То, что мы сейчас наблюдаем, это кризис или расцвет?

— Как мне кажется, наша эстрада сегодня находится на распутии. Я думаю, что это связано с перестройкой общества в целом. Мы не говорили пять-семь лет назад, что существует какой-то занавес, отгородивший нас от западной массовой культуры, но, тем не менее, он существовал. Существовали негласные запреты, а наши отечественные рок-ансамбли вообще «не замечали». Сегодня, когда многие запреты сняты и когда к нам на гастроли едут исполнители и ансамбли, музыка которых раньше не исполнялась даже на дискотеках («Скорпион» из ФРГ, например, приезжающий к нам в марте), повлилась масса всякой музыки, разных направлений, стилей.

— И, очевидно, всплыло много «накипи»?

— Да нет, это не накипь, «котел» еще варится. Я думаю, пройдут два — три года, и этот процесс как-то «утрясется». Традиционная эстрадная песня в том виде, в каком мы привыкли к ней, убежден, еще долго проживет — сила традиции достаточно велика. Правда, молодежь воспитывается уже на иных мелодиях и ритмах. И это, наверное, закономерно: у каждого времени — свои песни.

— Какие наши исполнители вызывают у вас интерес, как у слушателя и профессионала?

— Я всегда свои симпатии отдавал Пугачевой. Она неутомима, выдумщица, много работает, ошибается, ищет, удивляет. Из молодежи нравится Жанна Агузарова, «Рондо» — в этом ансамбле каждый музыкант нашел свой образ, свое «Я».

— Давайте на миг представим Леонтьева через 20 — 30 лет. Каким он будет?

— Откуда я знаю? (Смеется). Надеюсь, что я буду на сцене. Существуют такие примеры. Азнавур на восьмом десятке набирает полный зал. У него есть свой зритель.

— Пели ли вы когда-нибудь песни из конъюнктурных соображений?

— Бывало и такое. Впрочем, меня хватало на 2—3 месяца. Потом эта песня мне настолько надоела, что я все равно ее выбрасывал.

— Вы в армии служили?

— Нет, освобожден по здоровью.

— У вас есть семья?

— Нет. Уже нет. Остались мы вдвоем с мамой.

— Много у вас врагов?

— Хватает. В том числе и влиятельные люди.

— А в чем причина их неприязни к вам?

— Не знаю. Мне бы очень хотелось с каким-нибудь моим врагом сесть за стол и выяснить отношения, узнать его позицию.

— И никогда не приходилось?

— Никогда! Никогда не было прямого спора, выяснения отношений ни с кем из моих оппонентов. И это понятно: если такой человек существует, то он предпочитает действовать негласно, анонимно. А тот, кому я нравлюсь, открыто пожимает мне руку и говорит об этом!

— А какие претензии, если не секрет, предъявляют к вам в письмах?

— Отрицательных писем я получаю немного. В них люди пишут, что я «растлеваю молодежь», им не нравится моя прическа. И тому подобное. Ну, ладно, как видите, теперь нет зависти.

— Вы что же, их послушались?

— Да нет. (Смех). Просто сам себе до смерти надоел с этим кудрявым барашком.

— И что, теперь все довольны?

— Что вы! Тоже недовольны: что это такое — было так хорошо, и вдруг взял, и себя изуродовал. Повторяю: всем не угодить, одним делаешь хорошо — неизбежно других обижаете.

— Нескромный вопрос: сколько вы получаете за один концерт?

— Сейчас стал получать больше. До недавнего времени мне платили 47 с половиной рублей. Такие же ставки были у Пугачевой и других звезд. Ну, видимо, людям, устанавливающим эту ставку, в последнее время стало неудобно, что бабушка, пройдя по стадиону после концерта и уложив пустые бутылки в мешки, получает в несколько раз больше, чем гастролер, который собрал весь этот стадион. И вот недавно в виде исключения Пугачеву, Ротару и меня перевели в оплату в разряд... оперных певцов. Теперь мы получаем по 160 рублей за один концерт.

...Час беседы пролетел незаметно. Леонтьев ни разу не напомнил о том, что до его выхода на сцену остаются уже считанные минуты. Благодаря артиста за интервью и прошу написать что-нибудь на память для читателей «Вечерки». Подумав секунду, Валерий написал следующее:

*Читатели
Вечернего
Новосибирска*

*скорейшего прихода
всех.*

Леонтьев